

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ «УСПЕНИЯ КИРИЛЛА»

«Успением Кирилла» в славистической литературе условно называется краткое житие создателя славянской письменности — Кирилла-Константина, содержащее некоторые не известные другим источникам подробности об обстоятельствах его смерти. Известно 8 молдавских и сербских списков этого памятника XV—XVII вв., что свидетельствует о его широком распространении на Балканах в период позднего средневековья [1; 2; 3, с. 303]. XVII веком датируются русские списки памятника [4, с. 106]. Все списки передают, по существу, один и тот же текст, расхождения касаются лишь мелких деталей повествования и имеют не смысловой, а стилистический характер¹. Исследователи довольно единодушно считают, что «Успение» написано в Болгарии, однако по вопросу о времени его возникновения налицо глубокие разногласия. Споры о времени создания произведения, начавшиеся с момента первой публикации памятника в 1858 г., не закончены и на сегодняшний день. Если для Э. Георгиева «Успение» принадлежит к числу наиболее ранних произведений о Кирилле и Мефодии (ученый относит его возникновение к рубежу IX—X вв. и считает его автором Климента Охридского) [6, с. 32—38; 7, с. 14—20], то для Д. Ангелова — это памятник эпохи византийского господства (XI—XII вв.) [8, с. 19], а по мнению П. А. Лаврова, А. Теодорова-Балана, Б. Ангелова он мог быть написан не ранее XIII в. [9, с. 167—170; 5, с. 118; 10, с. 58].

Серьезные расхождения между исследователями приводят к противоречивым оценкам произведения в публикациях общего характера. Так, в «Хрестоматии по староболгарской литературе» «Успение» отнесено к числу памятников, созданных в IX—X вв., а в комментариях к тексту говорится о том, что одним из его источников явилась «Солунская легенда» — памятник более позднего времени [4, с. 104, 135]. Отсутствие однозначной, убедительно обоснованной датировки произведения не только затрудняет возможность использовать его материалы в научных исследованиях. Возникают значительные трудности и при попытках реконструкции общей картины развития кирилло-мефодиевских традиций у балканских народов как важного компонента их средневековой культуры.

При определении времени составления памятника важнейшее значение имеет выявление круга использованных в нем источников. Относительно возможных источников «Успения» в литературе высказан целый ряд соображений, часть из которых бесспорны, а другие нуждаются в проверке.

В настоящее время все исследователи сходятся на том, что главным источником «Успения» явилось Пространное житие Кирилла. Оба источника не только совпадают в характере и последовательности изложения основных фактов. В тексте «Успения» на всем его протяжении обнаруживаются

¹ Это хорошо видно, в частности, из разночтений в издании «Успения», подготовленном А. Теодоровым-Баланом в 1934 г. с учетом всех известных в то время текстов [5, с. 119—120]. Находка и публикация Б. Ангеловым двух наиболее ранних списков памятника не принесла в этом отношении принципиальных изменений.

прямые текстуальные заимствования из Пространного жития Кирилла, которые позволяют даже (как увидим далее) судить об использованном здесь изводе этого памятника. Как указал П. А. Лавров, в ряде мест, где «Успение» расходится со своим основным источником, его текст сближается с Пространным житием Мефодия [9, с. 168—169]. Не все из заключений исследователя можно принять. Так, оборот в начале XIV главы памятника «И оуведев же архиепископ римски о философе, посла за нь» находит почти буквальное соответствие в XVII главе Пространного жития Кирилла и заимствован, конечно, из этого источника, а не из жития Мефодия (ср. [11, с. 33, 72] и [5, с. 117]). Однако следует согласиться с П. А. Лавровым, что фраза в той же главе о «епископах еретиках», приходивших к Кириллу в Риме, возникла под несомненным влиянием того места в VI главе Пространного жития Мефодия, где упоминается, что один из находившихся в Риме епископов «бе тою же язєю больн», что и другие противники славянского письма (ср. [11, с. 73] и [5, с. 117]).

Уже А. Воронов отметил, что характеристика добродетелей Кирилла во II главе «Успения» — цитата из «Похвалы Кириллу», написанной Климентом Охридским [12, с. 195]. Текст этого памятника сохранился в двух версиях: первичной, принадлежащей перу самого Климента, и вторичной — более поздней переработке, где устранены, в частности, личные обращения автора к Кириллу [13, с. 327—328]. В интересующем нас месте часть списков вторичной версии не отличается от версии первичной. Другая же — отклоняется от нее, отражая процесс дальнейшей эволюции текста второй редакции памятника. Именно это новое чтение налицо в той цитате из «Похвалы», которая вошла в состав «Успения»².

В «Успении» могут быть выявлены следы заимствований и из другого произведения, связанного с культом солунских братьев, «Похвального слова Кириллу и Мефодию». Так, в I главе «Успения» в характеристике родителей Кирилла и Мефодия указывается, что они жили «огребаяще ся от вьсакого злаго находження». В Пространном житии Кирилла эти слова отсутствуют, но находят близкое соответствие в тексте «Похвального слова», где читается: «отгребаяся от вьсакой злобы» [14, с. 468; 5, с. 115]. Утверждение в X главе «Успения», что в Хазарии Кирилл крестил 200 «великих мужей», также не имеет соответствия в Пространном житии Кирилла, где социальная принадлежность крещеных вообще не определяется, но находит определенную аналогию в «Похвальном слове», где говорится о крещении «чьстных чади» [14, с. 471; 5, с. 117]. Уточнение в XII главе «Успения» (по сравнению с основным источником) о переводе книг в Моравии «из грьцкыхх в словенский язык» также имеет своим источником текст «Похвального слова» [14, с. 472]³.

Сообщение в XV главе «Успения», что Кирилл перед смертью призвал к себе учеников «и сихь увещав о православней вере», как указал Э. Георгиев [6, с. 37—38], находит соответствие в так называемом «Написании о правей вере», где читаем: «и сия предаево своимь оучеником да сиче верующие спасутся» [11, с. 180].

Сделанные наблюдения позволяют признать обоснованным заключение Э. Георгиева, что для автора «Успения» характерны прямые заимствования из известных ему источников [6, с. 33], и поддержать его скепсис в отношении возможности использования автором «Успения» некоторых памятников, с которыми текст «Успения» не обнаруживает текстологической связи. Так, из числа возможных источников «Успения» следует, по-видимому, исключить «Солунскую легенду». По мнению А. Теодорова-Балана из этого источника автор «Успения» заимствовал его сообщение о крещении славян на Брегалнице и создании для них славянской письменности (V глава памятника) [5, с. 120]. Однако за исключением утверждения, что славянская письменность создана Кириллом на р. Брегалнице, между

² В «Успении» читаем характерное именно для этой группы списков чтение «по-слушании духовных», в то время как в первичной версии говорилось «в поучении духовне» (ср. [14, с. 426, 438, 440] и [5, с. 115]).

³ Последнее место, впрочем, могло бы быть заимствовано и из второй редакции «Похвалы Кириллу».

обоими текстами нет, по существу, ничего общего: совершенно разным является культурно-исторический контекст, отсутствуют и текстуальные совпадения (ср. [5, с. 111 и 116]). Точно так же проблематичным представляется влияние на «Успение» Пространного жития Климента, как предполагает А. Воронов [12, с. 196]. Общим для обоих источников является по существу, лишь перечень имен учеников Кирилла и Мефодия, который мог быть обоими авторами заимствован независимо друг от друга из третьего общего источника (например, синодика). К тому же последовательность имен в обоих источниках различна⁴. Одновременно обнаруживается текстуальное совпадение между рассказом «Успения» о поездке Кирилла к арабам и аналогичным рассказом в проложном житии Кирилла. Обороту «Успения» «обличи Махметовоу нечъстивоую ересь» почти буквально соответствует в проложном житии: «обличи ересь Махметовоу нечъстиваго» [5, с. 35 и 116]. Какой же автор у кого заимствовал? Если для составителя «Успения» было характерно дословное заимствование из находившихся в его распоряжении источников, то составитель проложного жития очень свободно обращался с известными ему текстами. Поэтому представляется более вероятным, что налицо заимствование именно в «Успении».

Явно компилятивный характер памятника, составитель которого формировал свое представление о Кирилле и Мефодии не на основе реальных фактов, а на основе изучения определенного круга письменных сообщений о них, наличие среди его источников таких произведений, как вторая редакция «Похвалы Кириллу» и проложное житие Кирилла — все это делает маловероятным не только авторство Климента Охридского, как предполагает Э. Георгиев, но и вообще связь «Успения» с Охридской книжной школой конца IX — начала X в.

Выявление круга источников «Успения» позволяет установить характер работы составителя с известными ему текстами. Вопрос об этом в исследованиях памятника кирилло-мефодиевского цикла специально не поднимался. Обращалось внимание преимущественно на отдельные детали, где «Успение» отступает от Пространного жития Кирилла в изложении событий. При этом, как представляется, явно недооценивалась самостоятельность автора «Успения», обладавшего собственными взглядами на характер деятельности Кирилла.

Одна из наиболее заметных тенденций памятника — стремление подчеркнуть и показать заслуги Константина-Кирилла в распространении христианской религии в разных странах. Ради этого составитель «Успения» неоднократно целенаправленно изменял известные ему тексты. Так, Кириллу в «Успении» приписана заслуга обращения в христианство хазар. С этой целью в начале рассказа о хазарской миссии Кирилла вставлены слова, что в то время «еще имь не соуще христианом». Затем слова «советника» кагана, который согласно Пространному житию Кирилла констатировал его победу в споре с арабскими и иудейскими учеными, составитель приписал самому правителю Хазарии и далее автор «Успения» добавил для усиления эффекта слова, что тот «възоупи велием гласом», заимствовав их из рассказа своего источника о крещении самаритянина. Весь эпизод завершался явно выдуманным сообщением о крещении «кагана» вместе с его подданными (ср. [5, с. 116—117] и [11, с. 11, 23—24]). Не менее энергично в «Успении» проводится идея, что Кирилл обратил в христианство Великую Моравию. Так, в XII главе этого памятника указано, что моравские послы прибыли в Константинополь «просеще крещениа», а ниже отмечено, что Кирилл, прибыв в Моравию, «крестив» ее жителей и «приведе на православную веру» [5, с. 117; 11, с. 26, 28—29]. И то и другое утверждение совсем не соответствуют историческим фактам IX в., но ярко характеризуют взгляды автора, для которого Кирилл был

⁴ См. возражения А. Воронову со стороны Э. Георгиева [6, с. 33] и П. А. Лаврова [9, с. 169]. Э. Георгиев также правильно отмечает недостаточную обоснованность предположения А. Воронова, что эпизод «Успения» о крещении славян на Брегалнице создан под влиянием сообщений Пространного жития Климента о распространении славянского богослужения в районе Брегалницы в конце IX в. [7, с. 17—18].

уже не реальной личностью — современником, а главным персонажем легенды.

Для определения характера редакторской работы составителя «Успения» представляется особенно важным выяснить, что именно он включил в свое произведение из главного использованного им источника — Пространного жития Кирилла, а что нашел нужным опустить или сильно сократить. Сравнение показывает, что основная часть «Успения» — первые одиннадцать глав, соответствующие по своему содержанию первым тринадцати главам Пространного жития Кирилла, представляет собой довольно точный конспект источника, в котором нашли свое место все наиболее существенные факты из биографии Кирилла. Опущенные эпизоды (случай с соколом, встреча с грамматиком, бегство на «Узкое море», рассказ о помощи, неожиданно пришедшей, когда Кирилл раздал всю пищу нищим, находка в Корсуни евангелия, написанного «русскими писменами», расшифровка надписи на чаше) носят такой характер, что их отсутствие не меняет общей направленности повествования. Иную картину мы видим в заключительной части памятника (главы XII—XV), соответствующей XIV—XVIII главам Пространного жития Кирилла. В этой части Пространного жития ведущей темой является тема борьбы Кирилла с противниками славянской письменности. Однако в «Успении» эта тема полностью отсутствует. Здесь, правда, в главах XIII и XIV упоминается о каких-то «еретиках», действовавших в княжестве Коцела, а затем в Риме, которых Кирилл «посрамляше», но оба эти упоминания предельно кратки и, главное, в них никак не определяется, в чем состояла «ересь», с которой боролся Кирилл [5, с. 117]. Заслуживает внимания, что тема борьбы солунских братьев с «триязычниками» занимает видное место не только в Пространных житиях Кирилла и Мефодия, но и в других ранних памятниках кирилло-мефодиевского цикла, созданных уже в Болгарии в конце IX — первой половине X в., таких, как Пространное житие Климента, послужившее источником для сочинения на ту же тему Феофилакта, и житие Наума. Не менее яркое выражение тема борьбы с «триязычниками» нашла и в текстах, связанных с зарождением культа Кирилла, — в службе Кириллу⁵, «Похвале Кириллу»⁶ и «Похвальном слове Кириллу и Мефодию»⁷.

Такие особенности «Успения», как подчеркивание (вопреки историческим фактам) заслуг Кирилла в распространении христианства в разных странах и отсутствие внимания к его борьбе с врагами славянской письменности, сближают этот памятник с более поздними произведениями кирилло-мефодиевского цикла, такими, как проложные жития Кирилла и Мефодия или вторая редакция службы Кириллу, откуда, как показал Б. Райков, при переработке были удалены тексты, говорившие о борьбе Кирилла с «триязычниками» [15].

В литературе, в частности, в работах А. Воронова и П. А. Лаврова, обращалось также внимание на ряд отступлений текста «Успения» от его основного источника в отдельных деталях. Одно из таких отступлений заслуживает особого внимания. Паннонский князь Коцел, у которого Кирилл и Мефодий останавливались на пути в Рим, под пером автора «Успения» превратился в «лешского», т. е. польского князя [5, с. 117]. Очевидно, что эта поправка была сделана в то время, когда память о славянах в Паннонии давно изгладилась. Видя по контексту, что из Моравии Кирилл и Мефодий переехали в какую-то соседнюю славянскую страну, он произвольно отождествил ее с соседствовавшей с Моравией Польшей, где Кирилл и Мефодий никогда не были, а население ее южной части, где собственно жили «ляхи» — лендзяне, по компетентному свидетельству Пространного жития Мефодия (гл. XI), сохраняло приверженность к язычеству и нападало на христианские земли еще в 70-х гг. IX в. Таким обра-

⁵ «струями притъчнами оудавль триязычники», «еретики гониши... триязычники правиши», блуды «еретичьскыя роушить книгами триязычники» [5, с. 54, 55, 57].

⁶ «затъче оуста вльком тръязычным еретиком» [14, с. 426].

⁷ «тръязычником же зълбоу низължюшиа» [14, с. 471].

зом, и эта особенность редакторской работы составителя ведет ко времени гораздо более позднему, чем конец IX — начало X в.

Анализ приемов редакторской работы составителя «Успения» следует завершить разбором характерной для него терминологии. В этой связи должна быть отмечена еще одна черта памятника, на которую, хотя и мимоходом, уже обращал внимание П. А. Лавров. Речь идет о встречающемся в «Успении» словосочетании «православная вера» и характере его употребления. Если в Пространных житиях Кирилла и Мефодия это словосочетание ни разу не встречается, то в «Успении» оно на протяжении сравнительно короткого текста употреблено 9 раз⁸. Хазары и мораване, обращаясь в Константинополь, ищут там «православной веры». «Православную веру» Кирилл проповедует и арабам, и хазарам, и мораванам, и язычникам-славянам на Брегалнице, и, как отметил П. А. Лавров, даже жителям Рима [9, с. 169]. Замена общих и достаточно неопределенных сообщений Пространного жития Кирилла о «нашей вере», «христианской вере», «истинной христианской вере» достаточно четким и однозначным термином указывает на эпоху после церковного раскола середины XI в., когда необходимо было точно определять, с католической или православной частью христианского мира был связан тот или иной церковный деятель.

Таким образом, и выявление круга источников «Успения», и изучение характера редакторской работы его создателя, и наблюдения над терминологией памятника — все приводит к одному выводу: «Успение» не является памятником конца IX—X вв., его возникновение нельзя связывать с деятельностью Климента Охридского или его учеников. Это произведение принадлежит к более поздним памятникам кирилло-мефодиевского цикла и возникло не ранее середины XI в.

Более точно определить верхнюю временную грань, раньше которой «Успение» не могло быть написано, позволяет концовка этого произведения. Здесь читаем пожелание, чтобы бог благодаря молитвам Кирилла утвердил «вса цесарства правоверных христиан» [5, с. 122]⁹. Таким образом, в момент написания «Успения» существовало по крайней мере два православных «царства», но такое положение после церковного раскола середины XI в. сложилось лишь в конце XII в., когда было восстановлено православное Болгарское царство. Время его возрождения определяет ту верхнюю хронологическую грань, раньше которой «Успение» не могло быть написано.

Какова же та нижняя хронологическая грань, позже которой памятник не мог возникнуть. Эту грань позволяет определить находка Б. Ангеловым сербского списка «Успения» начала XV в. [2, с. 7—10]. Сопоставление этого списка с другими списками и использованными источниками показывает, что в ряде случаев этот список передает текст произведения с дефектами. Так, в цитате из «Похвалы Кириллу» отсутствует слово «поживе», которое имеется в этом месте в других списках памятника и использованном здесь источнике. В IV и V главах памятника также налицо пропуски, искажающие смысл текста. Еще более важно наличие здесь явно вторичных по сравнению с протографом чтений, сближающих старейший список «Успения» с определенной группой списков. Особенности интерес представляет в этой связи то место в XIV главе памятника, где говорится об успехе проповеди Кирилла у жителей Рима. В старейшем списке здесь читается: «Они же в слоухы свое в ъ л а г а а х о у егова оучения». В ряде списков в этом месте мы имеем здесь иное чтение — «въ сласть п р и е м а х о у учения его». Это чтение обнаруживает текстологическую связь с главным источником «Успения» — Пространным житием Кирилла («сказание соугоубь и трегоубь п р и и м а х о у от него») и, следовательно, его

⁸ Подсчеты произведены по самому раннему списку памятника.

⁹ А. Теодоров-Балан не внес этот текст в основной состав памятника, так как он отсутствует в одном из списков произведения — белградском, XVI—XVII вв., однако это пожелание присутствует во всех остальных списках памятника, в том числе в двух наиболее ранних. Это позволяет рассматривать его как часть первоначального текста «Успения».

следует, без сомнения, возводить к протографу. В списке «Успения» начала XV в. первоначальный текст уже подвергся переделке, следовательно, само возникновение памятника надо отодвинуть к более раннему времени.

Некоторые дополнительные доводы в пользу этой точки зрения можно привести, изучая включенные в текст «Успения» заимствования из Пространного жития Кирилла. Списки этого произведения делятся, как известно, на два извода — русский и южнославянский. Заимствования в тексте «Успения» обнаруживают особенности, характерные именно для южнославянского извода¹⁰, что не удивительно для произведения, возникшего и бытовавшего в южнославянской среде.

Для определения соотношения между «Успением» и текстами южнославянского извода Пространного жития Кирилла представляют интерес наблюдения над термином, обозначавшим благоуханный запах, аромат. И в русском изводе, и в «Успении» для обозначения такого запаха употреблен термин «воня». Литературному вкусу редакторов текстов южнославянского извода это слово не отвечало. Один редактор заменил его словом «хризма», другой — Владислав Грамматик — употребил слово «благоухание» [16, с. 96, 114 (гл. VIII, вар. 12)]. Между тем составитель «Успения» не только не нашел это слово неудобным, но и употребил его по собственной инициативе еще раз, вставив в рассказ о торжественном приеме Кирилла в Риме, что его встретили «с благоуханими кадили и вонями» [5, с. 117]. Если тексты южнославянского извода Пространного жития Кирилла по оценке П. А. Лаврова прошли стилистическую обработку «в духе литературной эпохи патриарха терновского Евфимия» [11, с. XX], то составитель «Успения» работал явно в более раннее время.

Наиболее вероятным временем написания этого памятника представляется XIII век — время национального подъема после восстановления болгарской государственности. Одной из характерных особенностей настроений болгарского общества того времени стало стремление подчеркнуть значение деятельности Кирилла и Мефодия именно для болгарского народа или даже прямо связать эту деятельность с территорией Первого болгарского царства.

Целый ряд свидетельств о наличии таких тенденций в болгарских литературных памятниках XIII—XIV вв. собрал в последнее время Д. Ангелов [8, с. 13 и сл.]. При этом исследователь справедливо обратил особое внимание на славословия Кириллу в «Синодике царя Борила», как памятнике сравнительно точно датированном и отражавшем официальную точку зрения светских и церковных властей болгарского государства. Здесь провозглашалась «вечная память» Кириллу философу, «иже божественное писание от гръчскаго языка на блъгарскыи преложившому и просвещшому блъгарскый род» [5, с. 80]. Эта же тенденция достаточно ярко проявилась и в некоторых особенностях «Успения», на которые было обращено внимание уже в момент открытия этого памятника. Это — утверждение, что Кирилл «родом сын блъгаринь» [5, с. 115], а также включение в текст произведения рассказа (о нем уже упоминалось выше), как Кирилл, отправившись на реку Брегалницу, т. е. на территорию Первого болгарского царства, крестил живущих здесь славян «и написав имь книги словенским языком» [5, с. 116]. Пересказывая свой основной источник — Пространное житие Кирилла, составитель «Успения» внес в свое изложение этот рассказ перед сообщением о поездке Кирилла в Хазарию. Тем самым получалось, что миссионерская деятельность Кирилла началась с проповеди христианства среди болгарских славян и для них была создана славянская письменность¹¹. Тем самым Кирилл действительно превращался в «просветителя болгар».

¹⁰ Так, в X главе «Успения» говорится о «гордыне жидовской» — это чтение именно списков южнославянского извода, в то время как в списках русского извода говорится о «гордыне срацшиской».

¹¹ Брегалница выступает здесь как арена деятельности Кирилла, по-видимому потому, что в период византийского господства сложилось представление, что в этом районе находился центр Первого болгарского царства, в частности, в момент крещения

Есть основания поставить вопрос не только об идейной, но и определенной текстуальной близости между «Синодиком царя Борила» и «Успением». Так, обращает на себя внимание, что в помещенном в «Синодике» славословии ученикам Мефодия перечень их помещен в той же последовательности, что и в «Успении» (в «Синодике» отсутствует лишь имя Ангелария). Оба произведения объединяет и термин, употребляющийся в них для обозначения Великоморавского государства, — «Великая Морава», который не встречается в других памятниках кирилло-мефодиевского цикла. Однако соотношение текстов остается неясным, и отмеченные совпадения не позволяют дать более точную датировку памятника. Однако и на настоящем уровне знаний общий вывод о том, что «Успение Кирилла» — литературный памятник, созданный в период существования Второго Болгарского царства, представляется бесспорным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелов Б. С. Кратко житие на Кирил Философ.— В кн.: Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. Т. I. София, 1958.
2. Ангелов Б. С. Кратко житие на Кирил Философ. I. Белградски препис. II. Молдавски (Херсонски) препис.— В кн.: Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. III. София, 1978.
3. Михаила Г. Славяно-румынские рукописи и издание письменных памятников южных славян.— Romanoslavica, t. XXI, Bucureşti, 1983.
4. Динев П., Кувев К., Петканова Д. Христоматия по старобългарска литература. София, 1978.
5. Теодоров-Балан А. Кирил и Методий. Т. II. София, 1934.
6. Георгиев Е. Родината на кирилло-методиевото дело.— В сб.: Константин-Кирил Философ. София, 1969.
7. Георгиев Е. Возникновение оригинальной староболгарской агиографии.— Palaeobulgarica, 1978, N 4.
8. Ангелов Д. Славянският свет през IX—X в. и делото на Кирил и Методий в книжовната традиция.— Palaeobulgarica, 1985, N 2.
9. Лавров П. Кирило та Методий в давньослов'янському писменстві. Київ, 1928.
10. Ангелов Б. Солунска легенда.— В кн.: Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература, II. София, 1967.
11. Лавров П. А. Материалы для истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
12. Воронов А. Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.
13. Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970.
14. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 1. София, 1970.
15. Райков Б. Два новооткрити преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележки върху пейния состав.— В сб.: Константин-Кирил Философ. София, 1969, с. 217—218.
16. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973.
17. Иванов Й. Богомилски книги и легенды. София, 1970.

болгар. Так, в рассказе апокрифической летописи о Борисе-Михаиле говорится, что «тъи царь кръсти всю землю българскоую и созда цркви по земли българстей и на рече Брегалници, и тоу приемь царство» [17, с. 283].